СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

Теоретический и политический журнал

Издается
с апреля 1924 года.
1924—1952 гг. — «Большевик»
1952—1991 гг. — «Коммунист»

№ 11 (1468) ноябрь 1997

Содержание

Оксана БЕРЕЗКИНА

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭЛИТА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА (1921—1927)

К 1921 ГОДУ принципиально изменилась социальная структура российского общества. Основной фигурой стал крестьянин-собственник. Число кадровых рабочих сократилось до такой степени, что можно говорить о практически полном исчезновении кадрового пролетариата. Изменения, происходившие в социальном составе РКП, определялись, во-первых, особым положением партии в складывавшейся политической системе, которое притягивало наиболее активные элементы всех общественных слоев, и, во-вторых, социальной структурой общества, при которой значительное расширение партийных рядов могло происходить только за счет крестьян и нерабочих городских слоев. Выходцы из этой среды уже в 1921—1923 годах составляли более половины членов партии, при том, что непосредственно «станковые» рабочие составляли менее 1/5 ее численности. Усилия партии, направленные на увеличение доли рабочих, не дали в 1921—1923 годах существенных результатов: пополнение 1922 года включало 3,2 процента рабочих «от станка», 3,4 процента крестьян и 39,4 процента служащих[1]. Таким образом, именно служащие, для которых доступ в партию был весьма затруднен, проявляли наибольшую активность в стремлении пополнить ее ряды. Сохранение имиджа «рабочей партии» требовало массового привлечения в РКП «рабочего сырья» (как выражались в то время), которое могло идти только из деревни. Определяющим фактором послереволюционных изменений стало не сохранение устойчиво высокой доли служащих и интеллигенции в составе партии, а резкое увеличение доли крестьян, до революции составлявших незначительный процент от общего числа членов РСДРП(б). Уже в 1922 году на партийном съезде говорилось об усиливавшемся влиянии крестьян как на местах, так и на съездах партии. В отсутствие иного резерва для пополнения партийных рядов, кроме вчерашних крестьян, приходивших на фабрики и заводы в ходе восстановления промышленности, влияние крестьян — носителей традиционной российской политической культуры — неизбежно должно было стать важнейшим фактором политического развития.

Многочисленные факты свидетельствуют, что зачастую рядовые члены партии стояли по своему культурному уровню, в лучшем случае, не выше основной массы населения. «Самый значительный слой рабочих и крестьян, — отмечали «Известия ЦК», — в большинстве своем не имеет элементарной политической подготовки»[2].

Массовые наборы в партию «от станка» и «от сохи» привели к дальнейшему понижению среднего уровня культуры рядового члена партии. Политическая грамотность кандидатов-«ленинцев» 1924 года была такова, что ЦК счел необходимым издать инструкцию, в которой обосновывалось требование «дать вновь вступившим немедленно по их вступлении основные сведения о партии»[3]. На одном из Пленумов ЦКК 1926 го-

БЕРЕЗКИНА Оксана Степановна — научный сотрудник кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат политических наук.

да Е. Ярославский приводил следующие данные: во взятых для проверки деревенских ячейках 23,4 процента партийцев не имели никакого представления о партии; 27,7 процента имели «смутное» представление; 27,8 процента усвоили организационное строение; 3,7 процента — хорошо усвоили; 11,7 процента абсолютно не имели представления об Уставе; 5,6 процента ничего не читали о партии[4]. Кроме того, в результате массовых наборов 1924—1927 годов партия заполнилась, в основном, маргинальными элементами. Это существенно обострило, по отношению к персональному составу партии, проблему *маргинальности*, то есть социально-культурной и психологической амбивалентности, порождавшей внутренний дискомфорт, неуверенность в себе, поиски твердой опоры, стремление к защищенности. Маргинализация состава партии, в совокупности с низким уровнем общей и политической культуры, патриархальным отношением к власти и тяжелыми условиями жизни, явилась одной из основных причин закрепления мобилизованного политического участия рядовых партийцев в 1921 — 1927 годах. С одной стороны, снижалась политическая активность рядовых членов партии. Уже на X партсъезде отмечалось, что на местах «нет достаточно политического сознания среди новых членов», вследствие чего их можно «удержать и дать им такое направление, что они не доходят до дискуссии и не делятся на фракции»[5]. Документы начала 1926 года отмечают боязнь выступления с критикой даже в тех случаях, когда никакие репрессии или попытки недопущения ее не имели места. Этот факт объясняется, в частности, угнетенностью психики в связи с безработицей, тяжелым материальным положением, бестактностью активистов и, наконец, «остатками приниженности и забитости», в условиях которых выросла основная масса членов партии. «Известия ЦК», в свою очередь, указывали на тенденцию «слепого подчинения начальству», боязни вышестоящих лиц и т. д.[6]

С другой стороны, политическая активность части коммунистов базировалась на вере, граничащей с фанатизмом. Характерным примером может служить ситуация, описываемая «Известиями ЦК»: неграмотный коммунист образцово выполняет партдисциплину, с каждым беспартийным спорит «чуть ли не до драки», защищая Советскую власть и партию, однако в разговоре с ним выясняется, что он не согласен с нэпом, которую плохо понимает, хотя и защищает перед всеми, оправдывая партию[7]. РКП для таких людей была не только и не столько политической партией, сколько своего рода религиозным орденом, требующим беззаветного служения и полного подчинения. В обмен партия давала ощущение твердой опоры, цели и смысла жизни, усиливаемое глобальным характером ставившихся задач. Растворение в массе «солдат партии» способствовало обретению индивидом устойчивого чувства собственной значимости, позитивного «я». Непримечательная «единица» в своем сознании трансформировалась в «руку миллионопалую, сжатую в один громящий кулак». Полностью отождествляя себя с партией, индивид обретал искомую личную идентичность. Именно поэтому, на наш взгляд, безусловная преданность партии соединялась с агрессивным неприятием любой критики в ее адрес, естественным образом воспринимаемой индивидом как посягательство на его личность.

Речь не о тех рядовых членах партии, которые в своем политическом поведении руководствовались четко осознанными политическими либо корыстными мотивами. Учитывая тот факт, что еще до начала массовых наборов в партию уровень политической неграмотности коммунистов составлял 60 процентов, доходя в некоторых губерниях до 70 процентов, можно заключить, что по отношению к большинству членов партии не приходится говорить о политических или идеологических стимулах их

участия[8]. В РКП было огромное количество людей действительно честных, искренне убежденных в великой миссии коммунистической партии, однако именно характер их веры и преданности создавал объективные предпосылки для манипулирования ими, использования их готовности к самопожертвованию и самоотречению, их способности во имя своей веры переносить немыслимые тяготы и лишения. Вера и долг становились мощным неполитическим стимулом политической деятельности рядовых членов партии. Перипетии внутрипартийной борьбы убедительно свидетельствуют о доминировании к 1927 году мобилизованного политического участия партийных масс, определяемого воздействием долга и других стимулов неполитического характера. Оценивая методы внутрипартийной борьбы, Х. Раковский в 1928 году, в частности, писал, что «в низах против оппозиции пускались, главным образом, аргументы неудержимой демагогии», «агенты партии не стеснялись... выезжать и на антисемитизме, и на ксенофобии, и на ненависти к интеллигенции и т. д.»[9].

Дискуссии 20-х годов были неким аналогом референдума в ограниченной общественной среде членов правящей партии, специфическим проявлением переходного в политическом отношении периода, когда политическая элита еще не отграничилась полностью от партии в целом, и оппозиционное меньшинство напрямую апеллировало к партийным массам как к последней инстанции, добиваясь вынесения общепартийного вердикта по спорным вопросам. Однако, как показал ход и исход этих дискуссий, апелляция к массам ни разу не дала оппозиции желаемого результата. Во-первых, при Ленине массы привыкли идти за харизматическим вождем, а в 1923—1927 годах ход дискуссий контролировался партаппаратом. Во-вторых, большинство членов партии вовсе не стремилось к автономному участию в дискуссиях, дискутировало по инициативе сверху, «в силу необходимости», хотя и не могло до конца разобраться в сути принципиальных разногласий. Аппарат делал безошибочную ставку на рабочих (в большинстве своем вчерашних крестьян), которые, по образному выражению Угланова, как пролетарский таран шли в одном направлении — за ЦК[10].

Более того, еще в ходе дискуссии 1923 года «большинство ЦК» сделало вывод, что дискуссию можно использовать для связи «старой гвардии» с новым партийным слоем, вследствие чего иногда имеет смысл не скрывать разногласия, а, наоборот, посвящать в них широкий круг партийцев[11]. Следующая дискуссия была в полной мере использована «большинством ЦК» как апелляция к партийному «болоту», по выражению Сталина. В результате оппозиция была полностью разбита еще до XV съезда, которому оставалось лишь «выполнить волю ячеек». Ход дискуссий свидетельствует, что «большинство ЦК» намеренно разжигало страсти, накаляло обстановку, натравливало партийные массы на оппозиционеров. В сущности, лишь противопоставив авторитету оппозиционных вождей авторитет миллионной партии, Сталин смог полностью устранить их из политической жизни, объединив партию общей ненавистью к «врагам» и «агентам буржуазии».

Сама форма участия рядовых коммунистов в принятии решений через общепартийные дискуссии была в сложившейся политической системе безусловно нежизнеспособной. Сталин на XII съезде достаточно справедливо высказался на счет утопизма мысли о возможности прямого участия партийных масс в политическом процессе в ситуации партийно-государственной слитности, когда партия решала все вопросы государственной политики. В конкретной исторической ситуации дискуссии на деле являлись дестабилизирующим фактором, служили орудием политических манипуляций элиты и обернулись иррациональной, направлен-

ной против любой оппозиционности энергией ненависти, наглядно продемонстрировав утопизм надежд на рациональность восприятия политической дискуссии «низами».

С завершением последней дискуссии политическая элита четко отмежевалась от партийных масс, приняв на XV съезде такие изменения Устава, которые ликвидировали возможные попытки превратить желание апеллировать к партийным массам в действительность. Принципиальную суть дифференциации внутри партии уже на XIII партконференции четко определил Преображенский, отметив, что 18 тысяч членов партии, входящих в аппарат, минус те, кто не играет ответственной роли, оказались в ответе за всю партию «в отрыве» даже от тех ответственных членов партии, которые работают в других областях[12]. К 1927 — 1928 годам стала очевидной полная зависимость дальнейшего политического развития от системы ценностей и внутренней структуры партийной элиты: сосредоточение власти в ее руках не имело ни каких-либо существенных внешних ограничений, ни реальных альтернатив в рамках существующей политической системы.

АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННОГО СОСТАВА партийной элиты включает, на наш взгляд, *два основных* направления: исследование персонального состава и структуры руководящих парторганов и анализ тех слоев внутри партии, из которых преимущественно формировалась партийная элита.

Интерес, в первую очередь, представляет старая партийная гвардия, состоявшая из членов партии с подпольным стажем. В 1921 — 1927 годах она составляла незначительное меньшинство в общей массе коммунистов. К 1921 году 9/10 коммунистов вступили в партию после октября 1917 года[13]. В 1922 году «подпольщики» составили 2 процента численности партии, а по данным партийной переписи 1927 года — 1,1 процента, то есть 8 955 человек из 773 220 учтенных членов ВКП(б)[14]. При этом часть членов партии с подпольным стажем представляла собой, по выражению Г. Зиновьева, «полуинвалидов».

Старая гвардия составляла костяк революционной элиты и в 1921 — 1927 годах закономерно занимала ключевые позиции. «Подпольщики» составили 100 процентов членов ЦК, избранного на X съезде, и 91,7 процента членов и кандидатов в члены ЦК, избранного на XV съезде партии. Коммунисты с подпольным стажем в начале 1924 года преобладали на ключевых постах в госорганах, имевших наиболее близкое отношение к политической власти, и концентрировались в высших эшелонах этой власти[15].

Наименование	Доля «подпольщиков» (в%)
ЦК РКП	96
ЦКК	97
ЦИК 2-го созыва	67
Председатели губисполкомов	43,9
6 главнейших центральных газет и РОСТА	43,1

Однако анализ места старой гвардии в партийной элите в целом требует более подробного рассмотрения. Данные, содержащиеся в следующей таблице, свидетельствуют, что, хотя доля членов партии с подпольным стажем среди делегатов партсъездов с решающим голосом оставалась в течение 1921 — 1927 годов высокой, составляя в среднем 45 процентов, основной тенденцией являлось ее постепенное сокращение. Начиная с XII съезда, процент «подпольщиков» устойчиво снижается.

Доля старой гвардии
в руководящих партийных органах

Наименование	Время учета	«Подпольщики» (%)
Съезды партии	X	35,4
	XI	48,2
	XII	59,2
	XIII	48,6
	XIV	44,5
	XV	37,8
Партконференции	XI	50,4
	XIII	61,7
	XIV	53,6
	XV	51,5
Секретари обкомов и губкомов	к XI съезду	48,3
	к XII съезду	62,5
	к XIII съезду	71,4
Секретари, члены бюро и пленумов губкомов	начало 1922	65,2 (дооктябрьский стаж)
Заворги обкомов и губкомов	к XI съезду	41
	к XII съезду	27,4
	к XIII съезду	30,2
Пленумы обкомов и губкомов	к XIII съезду	32
Президиумы обкомов и губкомов	к XIII съезду	48,9
Секретари укомов	к XIII съезду	25,7
Заворги укомов	к XIII съезду	9,4
Пленумы укомов	к XIII съезду	12,8
ЦК нацкомпартий	конец 1927 года	22,6
Областкомы	конец 1927 года	12,1
Губкомы	конец 1927 года	11,9
Окружкомы	конец 1927 года	5,2

Тенденция постепенного выбывания «подпольщиков» характеризует и динамику качественного состава делегатов партийных конференций. Данные о составе местных парторганов свидетельствуют о преобладании «подпольщиков» среди верхушки губкомов, фактически совпадавшей персонально с делегатами съездов и конференций. В то же время существенно снижалась их доля среди нижестоящих должностей, в частности, заворгов, являвшихся основным резервом для дальнейшего выдвижения. На более низком уровне власти старая гвардия находилась в меньшинстве. И никакого существенного продвижения наверх ее представителей не происходило: доля старой гвардии в составе региональных элит резко сокращалась. Дажс на уровне ЦК нацкомпартий она составила в 1927 году 22,6 процента, а на уровне губкомов — 11,9 процента. Таким образом, уже к 1927 году представители старой гвардии составляли незначительное меньшинство в общей массе партийной элиты. В этой ситуации, во-первых, возрастала их зависимость от высшей политической элиты, прежде всего тех ее членов, которые имели непосредственное отношение к подбору и расстановке кадров. Во-вторых, неизмеримо возрастала значимость авторитетного компонента власти, сосредоточенной в руках старой гвардии. Подрыв авторитета «подпольщиков», дезавуирование харизматических черт вождей, раскол и взаимная борьба неизбежно должны были, как и предвидел Ленин, привести к полному поглощению старой гвардии партийным большинством, ибо сила любого меньшинства состоит именно в его способности к организационному сплочению.

В небольшой дореволюционной партии существовала, по словам А. Шляпникова, «идейная органическая связь», то есть, по существу, типичная для революционной элиты идеологическая солидарность, подкрепленная тесными личными связями. Принятый в среде старых большевиков кодекс товарищества при определяющем влиянии личного авторитета В. И. Ленина урегулировал возникавшие проблемы. Достижение реальной власти и открывшиеся в связи с этим новые возможности существенно дифферен-

цировали интересы «подпольщиков», к которым, между прочим, причислялись и те революционеры с подпольным стажем, которые некогда принадлежали к небольшевистским течениям РСДРП. После смерти Ленина солидарность старой гвардии дала новые трещины, а привлечение широких партийных масс к междоусобной борьбе разрушило ее окончательно.

Безусловно, часть «подпольщиков» сознавала уязвимость своего положения. Так, Смилга говорил на X съезде о недопустимости «перехода на личности» в дискуссии, указывая, что с каждым годом на съездах появляется все больше людей, для которых то или иное лицо является «малоизвестным», и поэтому «привиреднически бросаемые... фразы ударяют гораздо острее, чем прежде, когда партийные кадры знали друг друга гораздо ближе и теснее»[16]. Через несколько лет, в июле 1926 года, Троцкий произнес в адрес Томского, последовательно боровшегося с оппозицией, пророческую фразу: «Помяните мое слово, вы на очереди»[17].

Однако большая часть старой гвардии предпочла блокировку с новыми слоями партийной элиты в целенаправленной борьбе против бывших соратников по подпольной работе. Одной из причин внутренней разобщенности старой гвардии была неоднородность ее состава, безусловно повлиявшая на расхождение политических приоритетов. Верхушкой старой гвардии являлся космополитический, в основном, интеллигентский слой, большинство представителей которого долгие годы провело в эмиграции. Безусловная преданность идее сочеталась с оторванностью от собственной страны, от ее реальных условий. Кроме того, существенная часть бывших эмигрантов характеризовалась этнической маргинальностью, что не могло не играть значительной роли в условиях широко распространенных на бытовом уровне ксенофобии и антисемитизма. Этот слой вызывал отчуждение даже в кругу российских «комитетчиков», не имея, таким образом, твердой опоры в рядах самой старой гвардии. Характерно, что в разгар наиболее острого периода внутрипартийной борьбы лидеры меньшинства намекали на антисемитские настроения большинства и упрекали сторонников Сталина в «неприличных» выпадах против «эмигрантов»[18].

Позиции верхушечного слоя старой гвардии определялись огромным авторитетом, базировавшимся на революционной биографии и близости к Ленину. Однако связь с рядовыми членами партии как до, так и после революции осуществлялась не напрямую, а, в основном, через «местных работников», фактически строивших партийную организацию в России. С этой точки зрения справедлива, в отношении верхушки старой гвардии в целом, характеристика, данная оппозиции 1923 года Сталиным, указавшим, что представители оппозиции «на самом деле партии не знали, от партии стояли далеко и очень напоминали людей, которых следовало бы назвать чужестранцами в партии»[19]. В отсутствие Ленина небольшевистское и «эмигрантское» прошлое становилось фактором, существенно ослаблявшим политические позиции тех, чье право на ключевые позиции в партии и государстве при Ленине считалось бесспорным.

Большинство старой гвардии, фактически санкционировавшее устранение с политической арены «ленинского руководства» и его приверженцев, представляло собой основную часть бывших членов российских подпольных комитетов и рядовых партийцев, работавших в России. Именно на долю представителей «российской», а не «эмигрантской», части партии, выпали наиболее трудные испытания, связанные с подпольем. Так, по имеющимся данным, среди членов ЦК — Президиума ЦКК 1927 года не менее 14 человек, были в длительной эмиграции, и среди них лишь трое, включая Троцкого, подвергались действительно серьезным преследованиям со стороны властей. В то же время большинство вошедших в ЦК «местных работников» имели в своем «послужном списке» многократные аресты, ссылки, достаточно длительное тюремное заключение[20]. Вряд ли можно считать

случайным тот факт, что все члены высшей партийной элиты этого периода, прошедшие каторгу, проявили себя как активные сторонники Сталина: Дзержинский, Ярославский, Орджоникидзе и другие.

После революции деятели, много лет добросовестно служившие партии в России, оказались оттесненными на вторые и третьи роли. Существенным мотивом их поведения стала ревность к «эмигрантам», их лидирующему положению и очевидному превосходству по уровню культуры и степени близости к Ленину. Мысль, что российские деятели также являются «ближайшими учениками» Ленина, рефреном проходит через все перипетии послеленинского этапа внутрипартийной борьбы. В частности, в 1925 году Е. Ярославский подчеркивал, что «большинство ЦК» причисляет себя к «ближайшим ученикам» Ленина, которые не могли быть за границей, близко к Ленину, потому что строили партию в России[21]. Положение обостряла откровенная демонстрация лидерами-идеологами своего права на патерналистское отношение к «дуракам, чиновникам», как, по словам С. Орджоникидзе, привык называть «местных работников» Л. Троцкий[22]. М. Калинин на одном из Пленумов 1927 года, намекая на высокомерие лидеров меньшинства, охарактеризовал стиль их выступлений колоритной фразой: «Тов. Троцкий на олимпах вместе с богами юпитерски произносит...»[23]. Собственно говоря, между интеллигентской верхушкой партии и основной ее частью действительно существовал значительный разрыв в интеллектуальном и культурном уровне, что наглядно демонстрировали выступления делегатов партийный съездов и участников Пленумов ЦК — ЦКК. Характерно, что все программные выступления лидеров-идеологов даже в период наиболее острой внутрипартийной борьбы выслушивались очень внимательно, ораторы обычно получали для выступлений время сверх регламента. Критика же этих выступлений, как правило, с теоретической точки зрения была «наивной», если использовать выражение Угланова, с возмущением перефразировавшего Троцкого[24].

Однако те качества, которые позволили верхушечному слою старой гвардии занимать лидирующие позиции в период борьбы за овладение властью и Гражданской войны, оказались явно не достаточными, чтобы сохранить их в условиях начала «мирной» работы по осуществлению государственного управления. Большинство, поддержавшее Сталина, обладало существенными преимуществами. Во-первых, несомненна его гораздо большая однородность с основной массой партработников. Большинство старой гвардии без особого труда вписалось в создавшуюся партийную иерархию, повседневная будничная работа, вертикальное подчинение, строгая дисциплина были привычны для ее представителей, связь с российской жизнью и с широкими слоями партии — достаточно глубоки. «Местные работники», вошедшие в ЦК, способствовали углублению связи «центр — места». На XIV партсъезде с удовлетворением отмечалось, что «связь с местными организациями, знание местных организаций, их жизни, их нужд, их потребностей не стояло никогда так высоко, как при теперешнем руководстве Центрального Комитета»[25].

Во-вторых, для большинства «подпольщиков» идея хозяйствования в конкретном государстве превалировала над космополитической идеей мировой революции. Все их интересы сосредотачивались внутри страны, где они заняли большую часть наиболее ответственных должностей в аппарате власти и управления. Курс на построение социализма в одной стране, рассматриваемый оппозицией как ревизия центрального пункта марксизма-ленинизма, фактически означал приоритет государственных интересов СССР. Отношение основной части партработников к теоретическим изысканиям по поводу осуществимости подобного курса ясно выразил делегат XIV съезда Антипов: «...Мы социализм строим и будем строить, и задача теоретиков нашей партии сводится к тому, чтобы теоретически доказать то, что мы делаем практически»[26].

Отторжение революционных лидеров можно трактовать как естественный результат спада революции, стабилизации общества. Изменения в партии шли в русле общей тенденции, охарактеризованной известным политологом X. Зиглером: «...По мере того, как организации стареют, они переходят от попыток воплощения первоначальных программ к сохранению своей структуры как таковой, даже если они жертвуют при этом центральной задачей организации. В организациях поэтому начинают господствовать люди, которые сделали ставку на существующую социальную систему»[27].

В то же время существовавшие в среде старой гвардии разногласия были весьма относительными. Во-первых, они зачастую инициировались и утрировались, пользуясь терминологией того времени, по «склочным» соображениям, в целях реализации личных амбиций, ради дискредитации соперника.

Во-вторых, большинство старой гвардии отнюдь не собиралось отказываться от идеи социалистического развития. Буржуазная пресса того времени явно преувеличивала, утверждая, что «группа Сталина стремится «отвязаться» от коммунистической пропаганды, висящей, как жернов, на шее русских государственных интересов»[28]. Именно «коммунистическая пропаганда» оправдывала претензии партийной элиты на монопольное политическое господство. Не случайно к концу рассматриваемого периода остро поднимается вопрос о правомерности Октябрьской революции. По существу, это был вопрос правомерности верховенства партии. «Неустановившийся» статус элиты обусловливал особую значимость приверженности идее и не позволял долго «выдавать желаемое за действительное» в отношении реальных социально-экономических процессов, не поколебав при этом и без того непрочную идеологическую легитимность господства партии. В 1926 — 1927 годах элита объективно встала перед выбором: осуществлять модернизацию в соответствии со своими идеологическими постулатами или поставить под угрозу свое положение, допустив возврат общества «на круги своя». Очевидно, что выбор второго пути был исключен как системой взглядов, так и потребностью в самосохранении и «сохранении лица».

Итак, в 1921 — 1927 годах шла перегруппировка внутри старой гвардии, верхушечный слой вытеснялся «местными работниками» из рядов основного контингента «подпольщиков». С другой стороны, к 1927 году фиксируется явное вытеснение самой старой гвардии партработниками послереволюционного поколения. Объективное значение этих процессов можно оценить с помощью привлечения данных о социальной представительности партийной верхушки. Соответствующие данные о составе ЦК 1924 и 1927 годов приведены в следующей таблице[29].

Год	Из семей квалифицированных и неквалифицированных рабочих	Из семей крестьян	Из «разночинной» среды: ремесленники, кустари, служащие, священники и др.	Не указали (%)
1924	34,4	20	45,6	
1927	20	26	36	16

Необходимо добавить, что, во-первых, подавляющее большинство лиц, входивших в ЦК 1924 года, начинало рабочими, служащими, студентами, и лишь 5,3 процента когда-либо реально работали в сельском хозяйстве. Имеющиеся же данные о составе ЦК 1927 года не содержат ни одного упоминания о крестьянской трудовой деятельности членов и кандидатов в члены ЦК. Во-вторых, подавляющее большинство не указавших свое происхождение членов и кандидатов ЦК 1927 года начинали студентами или служащими, получили оконченное среднее или высшее образование, что позволяет предположить их нерабочее и некрестьянское происхождение[30].

По своему составу высшая политическая элита 20-х годов представляла общество со срезанной, образно говоря, верхушкой, общество плебеизированное. В этом смысле революционная элита обладала гораздо большей степенью однородности с основной массой населения страны, нежели политическая элита дореволюционной России. Однако реальное состояние и реальные пропорции советского общества 20-х годов отражены неадекватно: лица крестьянского происхождения составляли в среднем 23 процента ЦК, в то время как крестьянство представляло собой огромное большинство населения страны. С другой стороны, если состав ЦК 1924 года был в основном «разночинно-пролетарским», при том что кадровый пролетариат в дореволюционном понимании этого слова фактически не существовал, и ряды рабочих пополнялись вчерашними крестьянами, то к 1927 году можно отметить увеличение доли лиц крестьянского происхождения в составе ЦК при существенном уменьшении доли выходцев из среды дореволюционного пролетариата. В этом смысле можно говорить о наличии тенденции к более адекватному отражению в составе высшей политической элиты реальной социальной структуры общества, причем эта тенденция совпадает с направлением перегруппировки внутри старой гвардии в пользу лиц, всегда имевших тесные связи с российскими корнями и российской действительностью. Интересно отметить, что, по имеющимся данным, из 15 членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК 1927 года, по крайней мере 8 человек были выходцами из крестьянской среды и лишь один вполне четко указал на рабочее происхождение[31]. Следующая таблица содержит данные о составе делегатов партийных съездов[32].

Съезды	Социальное положение (%)				Партийный стаж (%)			
	рабочие	крестьяне	служащие	проч.	подпольщики	с 1917 года	с 1918—1919 года	с 1920 года и позже
X	37,2	3	50,2	9,7	35,4	25,5	34,5	3,3
XI	47,9	7,1	45		48,2	26,1	21,5	4,2
XII	53	1,9	45,1		59,2	ок. 21	18,6 (вкл. 1920 год)	—
XIII	63,2	5,4	26,7	4,7	48,6	23	20,4	7,9
XIV	62,1	5,9	30,9	6,7	44,5	23,5	29 (вкл. 1920 год)	3
XV	71	5,7	23		38,5		33	

Приведенные данные не позволяют, на наш взгляд, сделать строго обоснованные выводы о реальном социальном происхождении делегатов съездов. Однако сопоставление социального положения делегатов, обозначавшего как происхождение, так и прошлые занятия, с их партийным стажем показывает, что подавляющее большинство делегатов состояло из выходцев из среды рабочих и служащих, вступивших в партию в годы подполья, революции и гражданской войны. Новый рабочий класс, формируемый, в основном, маргинальным крестьянством, практически не был представлен в их среде. Лица же, представлявшие крестьянство нэповской эпохи, составляли в среднем не более 5 процентов.

Данные о составе делегатов партконференций, на которых верхушка партийной элиты была представлена в более узком, нежели на съездах, виде, свидетельствуют о гораздо большей степени репрезентации в их рядах «разночинной» среды дореволюционной эпохи и несколько большей доле крестьян по социальному положению[33].

Партконференции	Социальное положение (%)			Подпольный стаж (%)
	рабочие	крестьяне	служащие и интеллигенция	
XI	30,6	69,4		50,4
XIII	47	10,1	42,2	61,7
XIV	51,4	6,2	42,4	53,6
XV	58,8			51,5

Следовательно, во-первых, верхушка партийной элиты, обладавшая фактическим правом принятия общегосударственных решений, сформировалась в основном из плебеизированных слоев и маргинальных элементов социальной структуры, разрушенной в ходе революции и Гражданской войны. Социокультурные, психологические характеристики, система ценностей революционной элиты не были адекватны соответствующим показателям социальных слоев (или хотя бы одного слоя), составлявших общество нэповской эпохи. Революционная элита утратила возможность четкой идентификации, адекватную среду обитания.

Во-вторых, в 1921 — 1927 годах революционная элита существенно плебеизировалась за счет вхождения в ее ряды большой группы лиц, представлявших общественные низы дореволюционной эпохи. Важной частью этого процесса было привлечение в результате курса на «старого большевика» бывшего рядового контингента старой гвардии.

КАКОЕ МЕСТО занимала *революционная элита* в массе партработников, представлявших партийную элиту в целом? Рассмотрим следующую таблицу[34].

Статистические данные о составе парторганов (в %)

Наименование	Время учета	Социальное положение		
		рабочие	крестьяне	служащие
Президиумы обкомов и губкомов	к XIII съезду	41,1	5,3	53,6
Пленумы обкомов и губкомов	к XIII съезду			
Пленумы укомов	к XIII съезду	63,4	9,2	27,4
Секретари ячеек	к XIII съезду	46,8	34,8	18,4
ЦК нацкомпартий	конец 1927	47,7	9,9	41,9
Обласкомы	конец 1927	44,7	20,3	33,1
Губкомы	конец 1927	61,1	14,8	23,7
Окружкомы	конец 1927	61,5	17,8	19,9
Секретари ячеек	конец 1927	40,8	39,7	19,5

Наименование	Время учета	Партийный стаж				
		до 1917 года	с 1917 года	с 1918—1919 года	с 1920 года и позднее	с 1924 года и позднее
Президиумы обкомов и губкомов	к XIII съезду	48,9	18,8	25,7	6,6	—
Пленумы обкомов и губкомов	к XIII съезду	32	23	33	9	—
Пленумы укомов	к XIII съезду	12,8	22,4	43	21,8	—
Секретари ячеек	к XIII съезду	10,7 (доокт.)	55,7		33,6	—
ЦК нацкомпартий	конец 1927	22,6		67,7		9,7
Областкомы	конец 1927	12,1		69,8		18,1
Губкомы	конец 1927	11,9		60,7		27,4
Окружкомы	конец 1927	5,2		67,6		27,2
Секретари ячеек	конец 1927	0,8		48,3		50,9

К 1927 году произошло значительное увеличение доли крестьян в составе руководящих парторганов разных уровней при сохранении приблизительно на том же уровне доли рабочих. Одновременно, в результате массового выдвижения в состав руководящих парторганов коммунистов ленинских призывов не только резко снизилась доля «подпольщиков», но

и уменьшилась в целом доля лиц, вступивших в партию в 1917 — 1923 годах. По подсчетам автора, из 3 123 членов обласкомов, губкомов и ЦК нацкомпартий 1927 года 698 человек вступили в партию в 1924 году и позднее. Следует учесть, что в партии существовали резервы выдвижения людей с более значительным стажем: группа коммунистов, вступивших до 1924 года, составляла в 1927 году 308 000 человек, а в территориальных партийных комитетах всех уровней, вплоть до окружкомов, состояло в этот период лишь 9280 человек[35]. Следовательно, началась замена коммунистами ленинских призывов *всего слоя* лиц, имевших как подпольный, так и «революционный» стаж.

Контингент ленинских призывов составляли, в основном, выходцы из среды нового рабочего класса, формируемого маргинальным крестьянством, и непосредственно из крестьянской среды, то есть из социальных слоев, являвшихся органической частью фактической социальной структуры общества. Массовое вхождение в состав партийной элиты этого контингента в совокупности с общим увеличением в руководящих парторганах доли крестьян свидетельствовало о начале формирования политической элиты выходцами из реально существовавших и развивавшихся социальных групп. Таким образом, «разводнение» революционной элиты означало стремление к ликвидации маргинальности, к обретению матрицы в социальной структуре, которая могла стабильно обеспечивать ее воспроизводство, даже если при этом терялось первоначальное социальное «лицо» коммунистической элиты.

Объективный смысл перегруппировок в рядах революционной элиты заключается в ее приближении к общественной среде. В то же время эти перегруппировки принципиально не меняли ее положения как маргинального слоя с отсутствующей матрицей. Поэтому именно массовое вхождение в состав партийной элиты коммунистов ленинских призывов стало базовым фактором изменений персонального состава правящего слоя в ходе формирования элиты с установившимся статусом.

Специфической характеристикой ликвидации маргинальности элиты по отношению к обществу было пополнение ее персонального состава именно за счет маргинальных элементов. Этот процесс был неизбежен в условиях изменявшейся социальной структуры, и прежде всего, — в условиях интенсивного формирования нового рабочего класса. Отсутствие устойчивых социальных связей было характерной чертой революционной маргинальной элиты. Пополнявшие ее новые элементы также не обладали подобными связями. Более того, «новобранцы» неизбежно должны были чувствовать неуверенность и отчуждение даже в партийной среде. Потребность в компенсации неуверенности обусловливала наличие чрезвычайно благоприятной почвы для радикализма и экстремизма.

Итак, революционная маргинальная элита представляла собой слой, распространявшийся «по убывающей» сверху вниз на все уровни политической власти и концентрировавшийся на ее высшем уровне. Несмотря на начавшийся процесс вытеснения представителей революционной элиты партработниками, вступившими в ряды коммунистов в 1924 году и позднее, в целом *этот* слой в 1921 — 1927 годах сохранял в своих руках прерогативы принятия общегосударственных решений.

Революционную элиту представляли люди достаточно молодые. Средний возраст делегатов съездов составлял 20—39 лет, а членов и кандидатов в члены ЦК — 30—44 года[36]. Процент женщин был крайне незначительным, и патриархальное отношение массы партработников-мужчин к женщине выражалось столь явно, что делегат XI партсъезда Смидович вынуждена была констатировать «жалкое» существование женотделов и презрительное отношение к ним в большинстве губкомов[37]. Вероятно, слишком молодой для политиков высокого ранга возраст, в среднем

3—34 года, так же как и полное отсутствие какого-либо влияния на по-итику женщин, явились еще одним фактором, способствовавшим боль-шей жесткости и импульсивности в политике.

Данные, отражающие динамику национального состава делегатов артсъездов, свидетельствуют, что, при сохранении большинства за рус-кими, существенно возрастала доля украинцев, белорусов и других наци-нальностей за счет уменьшения доли этнически маргинальных слоев: ев-еев, латышей, поляков и др.[38]

(в %)

ъезд	Русские	Евреи	Латыши	Другие нации и народности
(	71,6	13,6	5,1	7,7
I	ок. 65,6	ок. 14,8	ок. 3,7	ок. 15,9
II	60,8	11,3	7,1	20,8
III	65,2	8,7	6,1	20
IV	61	нет данных	нет данных	нет данных
V	62	7,4	4,7	25,9

Налицо тенденция к более адекватному представительству всей со-окупности наций и народностей страны в рядах политической элиты. начительное уменьшение доли этнически маргинальных слоев не могло, а наш взгляд, не способствовать снижению популярности космополити-еской идеи мировой революции и усилению влияния «государственни-ов» среди представителей партийной элиты. С другой стороны, эту тен-енцию можно считать одним из признаков начала формирования элиты установившимся статусом.

Данные о непосредственных занятиях и образовательном уровне де-егатов съездов свидетельствуют, что повышение процента партийных аботников в составе съездов сопровождалось снижением образователь-ого уровня делегатов [39].

(в %)

ъезд	Партийные работники	Советские работники	Высшее образование	Среднее образование	Низшее образование	Выходцы из др. партий
(	24,8	6,1	16,2	25,7	48,4	24,6
I	нет данных	нет данных	13	28,7	45	16,7
II	55,1	15,9	нет данных	29,4	49,7	14,7
III	65,3	12	5,5	17,9	66,8	11,6
IV	70	нет данных	5,1	22,3	66,1	10,2
V	54	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	9

С учетом последовательного снижения доли выходцев из других пар-ий можно говорить о значительном повышении степени однородности ерхнего слоя партийной элиты. Этот слой состоял, в основном, из муж-ин-*партработников,* достаточно молодых рабочих по происхождению ли прошлому социальному положению, русских, с низшим образовани-м, вступивших в партию в годы подполья, революции и Гражданской ойны, никогда не состоявших в других партиях. Относительная однород-ость революционной элиты создавала объективные условия для повы-ения степени групповой сплоченности и технологизации процесса при-ятия решений.

Включение в состав руководящих парторганов шло по двум основ-ым путям: через выдвижение на более ответственную работу с менее от-етственной и через выдвижение непосредственно «от станка» или «от охи». Характерным было сочетание таких методов рекрутирования в

элиту, как кооптация, закрытый отбор с элементами открытого отбора из определенного круга лиц: членов партии, преимущественно рабочих по социальному положению. Развивавшаяся быстрыми темпами система закрытого отбора нашла свое воплощение в так называемом назначенчестве, когда лица, уже отобранные вышестоящим парторганом, затем «выбирались» на соответствующем партсобрании. Кооптация становилась основным способом пополнения партийной элиты. Так, например, с марта 1922 года по март 1923 года Секретариат и Оргбюро ЦК одобрили около тысячи назначений, включая 42 секретарей губкомов[40]. Во взятой для проверки в 1923 году одной из украинских парторганизаций из 130 ячеек 80 имели секретарей, назначенных губкомом; «Известия ЦК» отмечали факты назначения и смены бюро ячеек по распоряжению вышестоящих органов, «без всяких поводов к тому со стороны ячеек»[41].

В то же время оставалось еще «неохваченное» назначениями пространство, предоставлявшее возможность для открытого отбора состава руководящих парторганов. В частности, Е. Преображенский на XII партсъезде говорил, что 30 процентов *секретарей губкомов* являются секретарями, «рекомендованными ЦК»[42]. Учитывая, что говорил он об этом с нескрываемым возмущением, как о нарушении демократических норм, можно полагать, что приведенная цифра вряд ли преуменьшает реальное число назначенных секретарей. Таким образом, хотя с каждым годом возможности открытого отбора состава руководящих парторганов, несомненно, уменьшались, кооптация еще не стала правилом, исключающим саму возможность иного способа попадания в ряды партийной элиты.

Степень институализации отбора в элиту была в 1921 — 1927 годах невысокой: основными формальными требованиями для занятия партийных должностей были происхождение «из низов», членство в РКП и наличие элементарной грамотности. В то же время уже в первой половине 20-х годов реально начинает выходить на первый план такой критерий, как умение «вести политику». Так, уже на XII партсъезде делегат Мдивани недвусмысленно намекал на подбор лиц «под политику»[43]. С середины 20-х годов в связи с перипетиями внутрипартийной борьбы основную роль для выдвижения наверх начинает играть твердая позиция поддержки «большинства ЦК» и лично И. В. Сталина.

Среди объективных факторов, способствовавших развитию кооптации как основного метода отбора в элиту, необходимо отметить малочисленность потенциальных претендентов, обладавших хотя бы минимальной подготовкой для занятия руководящих должностей. Учитывая, что политик в сложившейся политической системе являлся и управленцем, администратором, можно говорить об особой остроте проблемы отбора профессиональных руководителей. В партии ощущался недостаток лиц, способных элементарно грамотно выполнить секретарскую работу. Кооптация с ее системой выявления и учета потенциальных претендентов объективно была одним из способов компенсации недостаточности культурного и профессионального уровня выходцев «из низов», из которых формировалась политическая элита. Кроме того, даже подбор лиц, умеющих «вести политику», можно трактовать двояко. В сложной политической ситуации воля и умение «вести политику» оказываются важнейшими качествами, определяющими способность политического деятеля осуществлять свои функции. Рекрутирование элиты методом закрытого отбора в 20-х годах способствовало стабилизации политического процесса, отвечало потребностям политической системы. Тенденция к деградации политических качеств элитной группы, формировавшейся по этому принципу, со всей очевидностью проявилась гораздо позднее, наглядно продемонстрировав, что способность принять решение и добиваться его реализации отнюдь не вытекает непосредственно из высокого уровня общей и политической культуры.

Путь наверх в 20-е годы был стремительным. Так, например, 27,4 процента членов губкомов и 18,1 процента членов обласкомов конца 1927 года вступили в партию лишь в 1924 году и позднее[44]. Этот путь убыстряется именно в середине 20-х годов, когда на руководящие посты целенаправленно выдвигались коммунисты ленинских призывов. Активно продвигались по лестнице власти и коммунисты, вступившие в партию в 1917 — 1919 годах: в 1924 году они уже составляли основную массу членов обкомов и губкомов. Столь быстрое, в течение нескольких лет, продвижение наверх партийцев с небольшим или даже минимальным стажем было естественным характерным признаком революционной и постреволюционной эпох, проявлением подвижности границы «партия — элита», непосредственной связи между элитой и партией. В 20-е годы отсутствовал широкий промежуточный номенклатурный слой, ставший в дальнейшем непосредственным источником рекрутирования политической элиты. Кроме того, руководящие кадры подвергались постоянной перетасовке. Как отмечал еще на X партсъезде Д. Рязанов, в ЦК имелись «прямо-таки маньяки перебрасывания»[45]. По данным на начало 1924 года, продолжительность работы на должностях ответственных работников аппаратов губкомов составляла, в основном, менее одного года, а, например, в бюро Секретариата ЦК лишь 20 процентов работников работали уже в течение ряда лет[46]. Состав партийных съездов в период с XIV по XV съезд обновился на 75 процентов[47].

Постоянные перемещения и назначения руководящих партийных кадров имели объективную основу: партийные структуры не были еще чем-то застывшим, они находились в процессе складывания и развития. Одной из целей постоянной перетасовки кадров было упорядочивание работы парторганов путем максимально возможного приближения их состава к оптимальному. Для 1921 — 1927 годов характерны постоянные дрязги в местных парторганах, так называемые «склоки», когда ответственные работники основную часть своей энергии направляли на «подсиживание» друг друга. Например, вызванный в ЦК из Брянска по поводу непрекращающейся склоки в губкоме рабочий Желтов в качестве единственного выхода из создавшегося положения назвал смещение с руководящих постов всей губернской верхушки[48]. В конце 1927 года на XV партсъезде отмечалось, что склоки по-прежнему остаются характерным явлением внутрипартийной жизни.

В то же время, как свидетельствуют многочисленные факты, метод перебросок использовался в качестве средства борьбы с оппозицией. В частности, члены оппозиции 1925 года заявляли, что многие делегаты XIV съезда объясняли им свою поддержку «большинства ЦК» откровенным страхом «попасть в Мурманск или Туркестан»[49].

Таким образом, партийная элита в 20-е годы была достаточно открытым для определенных социальных групп, динамично изменяющимся слоем. Уже в это время со всей определенностью проявилась специфика режима, предоставлявшего широким общественным слоям, «трудящимся массам», принципиальную возможность доступа к участию в реализации власти, но строго путем кооптации по схеме «партия—элита» (позднее «партия—номенклатура—элита»). В принципе, выходцы из рабочей среды, крестьяне-бедняки, активисты из служащих могли за считанные годы подняться на достаточно высокую ступень в иерархии власти. Лозунг «кто был ничем, тот станет всем» активно претворялся в жизнь, общественные низы имели реальную возможность кардинально изменить свой социальный статус. Необходимым условием успешной карьеры было членство в партии и активное участие во внутрипартийной жизни на стороне «большинства ЦК». Активная поддержка линии Сталина — Бухарина была особенно важна для членов партии с небольшим стажем и, соответственно, с

авторитетом, несравнимым с тем, который имели «подпольщики» и активные участники революционных битв. Характерным примером может служить выдвижение Г. Маленкова, который, в результате фанатичной поддержки линии «большинства ЦК» и проявления личной инициативы, в 23 года получил работу в аппарате ЦК, несмотря на то, что парторганизация МВТУ, главой которой он являлся до этого, сняла его с поста[50]. В целом система рекрутирования элиты, представлявшая собой противоречивое сочетание демократических и недемократических основ, стала одним из характерных проявлений феномена «тоталитарной демократии».

Высокая степень сменяемости и относительная открытость партийной элиты в целом отнюдь не могут характеризовать ее верхи. Верхушечный слой, как отмечал уже на X съезде делегат Милонов, отвердевал, превращаясь в кастовый. Замещение наиболее важных должностей производилось, в подавляющем большинстве, за счет «старой гвардии» и тех, кто вступил в партию в годы революции и гражданской войны. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют уже приводившиеся данные о партстаже делегатов X—XV съездов, а также данные, содержащиеся в следующей таблице[51]:

(в%)

Год	Парторган	Подпольный стаж	С 1917 и позже
1921	ЦК	100	
1922	ЦК	97,8	22
1923	ЦК	93	7
1924	ЦК	92	8
1925	ЦК	92,5	7,5
1925	Секретари губкомов	71	29
1927	ЦК	91,7	8,3
1927	Секретари губкомов	78	22
1930	Секретари обкомов, крайкомов, нацкомпартий	69 (до революции)	
1934	Съезд	80 (до 1920 года)	

Карьера членов партии с небольшим стажем имела четко определенные пределы. При общей сменяемости руководящих кадров высшие парторганы неизменно формировались из партийцев с подпольным стажем или из вступивших в РКП в 1917 — 1920 годах. Внутри этого слоя происходили перегруппировки, однако в целом *революционная элита* удерживала ключевые позиции, приобретая классические черты правящей элиты — закрытой привилегированной группы. Огромный авторитет был существенным источником доминирования этого слоя. Однако приоритет партии как института над интересами любых входящих в нее элементов в принципе создавал ситуацию уравнивания, в сознании массы партработников, «новобранцев» со старыми членами партии, чему немало способствовала обстановка внутрипартийной борьбы, в ходе которой большинство революционной элиты сознательно акцентировало равноправие всех членов партии. Так, на XV партсъезде член высшего партийного руководства Рудзутак иронизировал по поводу ухода 4 тысяч интеллигентов из миллионной партии, между тем как ему было отлично известно, что в поддержку оппозиции высказалось, по крайней мере, около 800 членов партии, вступивших в нее не позднее 1917 года[52].

Приоритет партии как таковой означал, что революционная элита была лишь частью партии, обладавшей наибольшим партстажем и, соответственно, авторитетом. Коммунистическая элита не предполагала по самой своей сути исключительного права какого-либо ее слоя на занятие ключевых должностей. Речь могла идти лишь о смене поколений партработников.

Закрытость, корпоративность революционной элиты по отношению к более молодым партработникам, считавшим себя вправе претендовать на высокие посты, противоречили пропагандируемым принципиальным основам жизнедеятельности партии и определили назревание конфликта между партийной верхушкой и нижестоящими слоями партийной элиты. Эти факторы, в совокупности с узакониванием метода «отсечений» меньшинства, в значительной степени предопределили трагическую судьбу революционной элиты, в конечном итоге устраненной от власти целиком. Лишь немногие ее представители интегрировались в состав новой элиты.

С точки зрения социальных характеристик, указанное противоречие явилось, помимо всего прочего, проявлением борьбы представителей городской и крестьянской элит. Признаки этого конфликта явственно проявились уже в ходе перегруппировки в рядах революционной элиты, когда целая когорта наиболее ярких представителей городской социально-культурной среды была полностью устранена от политической власти. Крестьянство, хотя и претерпевавшее существенные изменения основных социальных признаков, оставалось важнейшим *связующим звеном* меняющейся социальной структуры. Перефразируя известные слова Устрялова, можно сказать, что с начала 1920-х годов состав политической элиты непрерывно изменялся под воздействием новых и новых волн, «гонимых мощным дыханием необъятной крестьянской стихии».

Партийная элита рассматриваемого периода представляла собой политическую *элиту переходного характера*, являвшуюся, с одной стороны, порождением дореволюционной и революционной эпох, а с другой — результатом развития новых тенденций социальной и политической жизни общества. Сущность «переходного периода» заключалась в превращении революционной маргинальной элиты в элиту с установившимся статусом. Формой этого превращения была смена партийных поколений. Изменения социального состава партийной элиты происходили за счет все большего вхождения в ее ряды выходцев из крестьянской среды как непосредственно, так и опосредованно — через новый рабочий класс, только что выделившийся из этой среды. Методы неизбежной замены революционной элиты и качественные характеристики будущей элиты во многом определялись именно в период 1921 — 1927 годов.

Существенный интерес представляют данные об уровне культуры и характере взаимоотношений партработников. В составе ЦК 1924 года находилось 34 процента лиц с общим образованием (гимназия, реальное училище, церковно-приходская школа), 27 процентов — с техническим, 11,3 процента — с юридическим и экономическим, 9 процентов — с гуманитарным и естественнонаучным, 4,5 процента — с сельскохозяйственным и 4,5 процента — с партийным[53]. По данным на 1927 год (до XV съезда), 25,5 процента членов и кандидатов в члены ЦК имели высшее (оконченное и неоконченное) образование, около 10 процентов — среднее, 24 процента — начальное и без какого-либо систематического образования, 40 процентов — не указали. С учетом того факта, что 30 процентов не указавших являлись рабочими по специальности, очевидно, что большая часть членов и кандидатов в члены ЦК представляла собой лиц с минимальным образовательным уровнем[54]. Хотя имеющиеся данные о составе ЦК 1924 года позволяют судить скорее о характере полученного образования, нежели о его уровне, в целом тенденция к понижению образовательного уровня очевидна. Перегруппировка в рядах «старой гвардии» приводила к вымыванию из рядов высшего партийного руководства наиболее высоко и разносторонне образованных людей.

Образовательный уровень делегатов партийных съездов снижался одновременно с процессом «орабочения» состава съездов, и к 1927 году не менее 2/3 делегатов съездов имели низшее образование. Низкий обра-

зовательный уровень, недостаточный кругозор, некомпетентность основной массы партработников, обладавших правом принятия общегосударственных решений, значительно затрудняли их деятельность на высоких партийно-государственных постах. «...Те длинные схемы, — укорял Н. Угланов выступавшего на XIII съезде с серьезным докладом Л. Троцкого, — которые он нам рисует о плановом хозяйстве, они полуграмотным слоям рабочих, управляющих нашей страной, чрезвычайно трудны. Мы их не понимаем, как чрезвычайно было трудно понять и сегодняшнюю речь тов. Троцкого»[55]. Отсюда естественная трудность восприятия большинством партийных деятелей теоретических изысканий лидеров в условиях отсутствия времени и сил для повышения своего теоретического уровня. Трудность восприятия, в свою очередь, порождала индифферентность к теоретическим дебатам либо открытое раздражение против «адвокатских» речей. Кроме того, падение интереса к теоретическим вопросам обусловливалось управленческим характером деятельности большинства партработников, их сосредоточенностью на конкретных практических вопросах. В результате, по словам Сталина, настроение большинства партработников можно было охарактеризовать следующим образом: «Гребут честно... а куда их несет, не только не знают, но и не хотят знать»[56].

Высшее партийное руководство, сознавая настоятельную необходимость повышения уровня общей и политической культуры руководящих кадров, устанавливало квоты для членов партии в обычных вузах и создавало специальные высшие учебные заведения для партийных работников — комвузы и совпартшколы. В обычные вузы партработники шли неохотно: узкая специализация, углубленное изучение научных дисциплин требовали необходимой минимальной подготовки, которой большинство их, имея начальное образование, не обладало. По данным на 1924 год, так называемая партийная разверстка была выполнена лишь на одну треть. До конца доучивался очень небольшой процент коммунистов, уровень выпускников-коммунистов был низким. В обычных вузах и совпартшколах учились рядовые и волостные работники, уездных и губернских работников обучалось гораздо меньше. Элитарными вузами, готовившими работников «губернского масштаба», стали коммунистические университеты. Обучение в них было в наибольшей степени идеологизировано и нацелено на подготовку партийных работников «широкого профиля», обладающих необходимым минимальным уровнем знаний в разных областях.

Как правило, все, что имели партработники в материальном плане, предоставлялось им в качестве приложения к должности: зарплата («партмаксимум» ограничивал ее для коммунистов по сравнению с беспартийными, все средства, заработанные сверх предельной ставки для коммунистов, подлежали отчислению в фонд взаимопомощи членов партии), льготы в обеспечении жильем, медпомощью и т. д. Партийная элита формировалась из людей, не обладавших ни экономическим капиталом, ни устойчивыми социальными связями. Плебеизация элиты обусловила отсутствие существенного культурного капитала. Фактически представители правящей элиты обладали лишь символическим правом на легитимацию в государстве «рабочих и крестьян». Они были полностью зависимы от существующей системы, всем ей обязаны и потому готовы к ее бескомпромиссной защите. Лишь незначительная часть старой гвардии, соединявшая существенный культурный капитал со столь же существенным политическим, могла в принципе рассчитывать на высокий статус вне существующей системы. Этот фактор в значительной степени обусловливал ее дестабилизирующее воздействие на систему, рассчитанную на аппаратчиков, всем обязанных аппарату.

Характер переходного периода, выраженный известной фразой В. И. Ленина «кто — кого», усиливал чувство неуверенности у партработников. Об этой неуверенности говорил, в частности, Г. Зиновьев, указывая, что настроение целого ряда партработников можно выразить следующей фразой: «если ты мне не докажешь, что у нас 110 процентов середняка, то вопрос социалистического строительства не на мази и неизвестно, что с нами будет»[57]. Агрессивное неприятие компромиссных формулировок оппозиционных программ, требования высказаться «без выкрутасов», поддержать ЦК «по-простому» объяснялись, на наш взгляд, не столько недостаточностью культурного уровня партработников, сколько потребностью в определенности. «Вы должны, — провозглашал А. Микоян требования «местных работников» к ЦК на XIV съезде, — сказать каждому краю... в течение ближайших пяти лет, в каком порядке идти к социализму? Мы... не можем... только лишь повторять фразы о возможности социализма в одной стране и говорить «верую, верую, верую»»[58]. В конечном итоге определенность требовалась в основном вопросе — о смысле и итогах Октябрьской революции. «Нужно ли было в Октябре идти на восстание, — подчеркивал основной для партийной элиты вопрос делегат XV съезда Голощекин, — имело ли Октябрьское восстание пролетарский, социалистический характер и есть ли условие для социалистического строительства в одной стране...»[59]. Представители «старой гвардии» и революционного поколения партработников остро переживали провал первоначальной идеи мировой пролетарской революции, ощущали свою ответственность за сделанный в 1917 году политический выбор и все его последствия. «Для чего тогда (если есть сомнения в перспективах социалистического строительства. — *О.Б.*) нужно было производить Октябрьскую революцию? — говорил на XV партконференции делегат Махарадзе. — Для чего нужно было столько крови, столько жертв? Для чего это было нужно?»[60] Выраженная в более мягкой форме, эта мысль рефреном проходит через перипетии внутрипартийной борьбы 20-х годов. Очевидна острая потребность революционной элиты в самооправдании, ставшем составной частью и существенной движущей силой самолегитимации.

Однозначно положительный, уверенный ответ Сталина и его сторонников на вопрос о ходе и перспективах социалистического строительства не мог не играть существенную роль в определении позиции большинства партработников. Вопрос о конкретных путях социалистического строительства был для них вторичным, и, возможно, многим из них было сложно разобраться, какая именно программа может реально привести к осуществлению желаемой цели.

Уже поэтому понятие идеологически объединенной элиты не следует понимать буквально. Существовавшее идеологическое объединение не предполагало действительной идеологической солидарности, «идейной органической связи», характерной для предшествующих периодов становления партии и восхождения ее к власти. В 1921 — 1927 годах идеологическое объединение уже было неразрывно связано с факторами самосохранения и самооправдания. Именно поэтому столь жестким было отношение к компромиссным формулировкам, допускавшим двусмысленное толкование перспектив правящей элиты. Отношение к идее определялось прагматическими соображениями приспособления ее к реалиям бытия элиты — носителя идеи. Формирование элиты с установившимся статусом на деле означало переход к использованию коммунистической идеи и организации в качестве системы власти, включающей осуществление власти и ее оправдание.

Специфическое влияние оказывало рабочее, особенно «металлическое», прошлое значительной части партийной элиты. Не случайно, на

наш взгляд, одновременно с «орабочением» ЦК и съездов нарастали требования железной дисциплины, единоначалия, безусловного подчинения. Все чаще звучали требования вымести оппозицию «железной метлой», пройтись по спинам оппозиции «каленым железом» и т. д. В целом нарастала частота употребления эпитетов «стальной», «железный». Возможно, сама фамилия Сталина становилась знаменем тех, кто гордился партией, выкованной «сталью, углем, железом» и потому несгибаемой.

Этот фактор в совокупности с низким культурным уровнем и внутренней неуверенностью способствовал культивированию приоритета грубой силы, чувства удовлетворения от того, что «партия многих ставила на колени и поставит еще не раз». Все это способствовало укоренению приоритета силовых методов как неотъемлемой части политической культуры партийных работников, тем более что примером для них в этом отношении являлся Генеральный секретарь. Характерно, что Сталин, любивший говорить о необходимости вымести оппозицию из партии, удостоился в конце концов публичного выпада Троцкого. «Как метлы коснется, — заявил на Пленуме ЦК — ЦКК летом 1927 года Троцкий, — вы в своей тарелке. Еще бляху вам и метлу, — вот и вся ваша платформа полностью»[61].

Снижение образовательного уровня партийной элиты способствовало снижению степени терпимости к оппонентам, корректности в выборе средств, ибо терпимость, как известно, связана с уровнем общей культуры. Сравнение стенограмм X и XIV партсъездов показывает, что X съезд при всей накаленности атмосферы, хлестких формулировках все же не идет ни в какое сравнение с XIV съездом, на котором уже явственно чувствовалась тяжелая поступь сталинской эпохи. Пораженный принципиально новой для партийных съездов атмосферой, Г. Зиновьев заметил: «Теперь, видимо, начинают действовать такие силы, которые тянут руководящее ядро нынешнего большинства дальше, чем оно того хотело»[62]. В создавшихся условиях «буржуазные» демократические ценности не могли иметь какой-либо существенной поддержки. Эти ценности именовались «играми в меньшевистский демократизм» и совершенно искренне презирались большинством партработников.

Негативно влияли на атмосферу внутрипартийной жизни 20-х годов постоянные дрязги и раздоры в парторганизациях. Упоминания о «склочности», «шкурничестве», неумении сработаться рефреном проходят через партийные документы того времени. На низкий культурный уровень как основную причину «склок» указывал, выступая на XI съезде, Г. Зиновьев. Совершенно не упоминается в документах какое-либо разделение партработников на местах по политическим мотивам. Группировки создавались по принципу: более молодые члены партии против более старых, уездные против городских, партийные против советских, по национальному принципу и т. д. При этом, как отмечал делегат XI съезда Вардин, партийную программу можно было обсуждать «вкривь и вкось», но «боже упаси» затронуть интересы «местного администратора, зав. отделом»[63].

Политическое разделение шло сверху, его инициировали представители старой гвардии высших эшелонов власти. Партработники более низкого уровня, вероятно, не испытывали даже потребности в таком разделении. В наиболее острый период внутрипартийной борьбы 20-х годов на местах по-прежнему имели место «склоки»: групповая борьба за руководство облекалась в идеологическую форму. Собственно говоря, даже в политическом разделении, инициируемом сверху, прослеживались явные признаки «шкурнической склоки», действие неполитических мотивов: группировка членов высшей партийной элиты шла по принципу «свои — чужие», «местные — эмигранты»; априори исключалось все, что исходило от «чужих», споры зачастую велись об отдельных лицах, а не о выдви-

гаемых ими тезисах и т. д. Достаточно высокая степень культурной близости большинства ЦК с основной массой партийной элиты обеспечивала успех метода перевода политических разногласий в плоскость личной «склоки», состояние близкое и понятное каждому рядовому партработнику. Меньшинство же, идеализировавшее партию, обрекало себя на поражение, стараясь удержаться в рамках рациональной дискуссии по принципиальным вопросам.

Существенным фактором, влиявшим на развитие взаимоотношений членов партийной элиты, становилось внедрение во внутрипартийную жизнь тех принципов, которые ранее применялись в основном во внепартийной среде. Так, уже на X партсъезде делегат Максимовский справедливо говорил о «полицейском анализе» оппозиции, навешивании ярлыков, создании таких отношений внутри партии, когда «нельзя верить на слово»[64]. Десятый съезд продемонстрировал и использование методов недобросовестной полемики, и фракционные маневры. Уже в период борьбы с «рабочей оппозицией» стала применяться перлюстрация писем. Так, в ЦК было известно содержание переписки лиц, входивших в группу «рабочая оппозиция», а на XI партсъезде Ленин в качестве источника информации о содержании личного письма Г. Мясникова назвал Оргбюро, Секретариат ЦК, ЦКК[65].

С 1922 года Секретариат ЦК стал получать политические закрытые письма секретарей губкомов, и через некоторое время на основании этих писем ставились и разрешались поднимавшиеся в письмах или вытекавшие из них вопросы. В первой половине 20-х годов произошло «расширение осведомительных источников за пределы партаппарата»: использовались материалы Наркомзема, ГПУ, ВЦСПС и т. д. В результате Л. Каменев в 1925 году имел основания заявить: «Развившаяся за последнее время система писем, использования частных разговоров, личных сообщений, когда всем этим пользуются без всякой проверки... не может не привить в партии самые нездоровые и до сих пор немыслимые обычаи»[66].

В сентябре 1923 года Ф. Дзержинский внес одиозное предложение обязать всех членов партии докладывать ГПУ любую информацию о существовании каких-либо фракционных выступлений, а на XIV партсъезде вопрос о «доносительстве» стал предметом ожесточенной дискуссии. Несмотря на то что целый ряд ораторов от оппозиции указывал на разлагающее влияние доносов, укоренение в партии «нездоровых нравов», точка зрения большинства заключалась в том, что донести о частном разговоре — обязанность каждого члена партии. В этот период появилось сыгравшее позднее крайне одиозную роль понятие «сигнализирования».

Таким образом, на XIV партсъезде провозглашались такие принципы внутрипартийной жизни, после внедрения которых ни о каком кодексе товарищества не могло быть и речи. Следует учитывать, что «старая гвардия» провозглашала подобные принципы в условиях, когда неразборчивость в средствах устранения оппонентов не могла не распространяться стихийно «снизу», в результате непрекращающихся «шкурнических склок» в местных парторганизациях. Так, делегаты XI съезда Кутузов и Корзинов с тревогой говорили, что на местах партработники начинают бояться друг друга, говорить шепотом, что в партии «практикуется самым безобразнейшим образом наушничество, карьеризм, протекционизм»[67].

Принципиально менялся внутренний климат, способ жизнедеятельности политической элиты. Во внутрипартийную жизнь внедрялись методы фракционной борьбы, выработанные в годы подполья, и методы политического сыска, ранее применявшиеся по отношению к внешним политическим противникам. Внедрение этих методов сверху, со стороны высшей политической элиты, находило понимание в ее нижестоящем слое, и они становились легитимными принципами взаимоотношений в рядах

партийной элиты. В результате происходило разрушение горизонтальных связей, что было особенно значимым в условиях, когда члены политической элиты не обладали и не могли обладать какими-либо иными ресурсами власти, кроме места в партийной иерархии. Разрушение горизонтальных связей делало положение партработников чрезвычайно уязвимым. Установлению устойчивых связей препятствовали постоянные кадровые перетасовки, относительная открытость партийной элиты в целом, форсированное введение в ее состав представителей новых партийных поколений. Сознавая уязвимость своего положения, ответственные работники пытались наладить горизонтальные связи, создать некий аналог круговой поруки. Так, Сталин, выступая с политическим отчетом ЦК на XV партсъезде, прямо говорил о том, что решение вопросов даже в центре происходит зачастую в «семейном порядке», по принципу «я тебя не трону, и ты меня»[68]. В связи с этим Сталин провозгласил необходимость активизировать критику и самокритику, которые в свете указанных выше тенденций не могли не привести к широкому распространению «сигнализирования». «Семейное» решение вопросов снижало эффективность контроля за выполнением директив ЦК партии, ставило под вопрос реализацию политических решений, и стремление разрушить эту «семейственность», вероятно, могло быть одной из причин сознательного курса Сталина на разрушение горизонтальных связей партийной элиты, помимо желания уничтожить саму возможность создания каких-либо оппозиционных группировок.

Таким образом, очевидно прослеживается тенденция к снижению уровня горизонтальной интеграции элиты. В результате снижалась способность партийной элиты осуществлять контроль над полномочиями лидеров. Кроме того, она оказывалась неспособной к самосохранению в конкретном персональном составе. Каждый член ее оставался «один на один» с вертикальной пирамидой, в которой он был лишь легко заменяемым винтиком.

С другой стороны, рост значимости вертикальной интеграции превращал элиту в единое целое, не допускающее какого-либо разделения. В условиях доминирования проблемы неустановившегося статуса это повышало устойчивость правящей элиты по отношению к внешней среде.

ПРИ СОПОСТАВЛЕНИИ характеристики персонального состава партийной элиты с уровнем решенных ею проблем возникает закономерный вопрос: каким образом плебеизированная элита с низким уровнем культуры, дефицитом специальных знаний, отсутствием существенного политического опыта большинства ее представителей смогла не только удержать власть и не допустить реставрацию, но и обеспечить себе обретение устойчивого статуса и долгосрочной перспективы, осуществить модернизацию страны, вернуть государству статус великой державы? На наш взгляд, не образование, не интеллектуальный уровень и не какие-либо другие свойства имеют наиболее важное значение для индивидов, составляющих политическую элиту. Элита власти требует особых психологических и политических качеств, воли к власти, своеобразного «чутья» на все, что связано с властью, воли к действию и способности принять на себя ответственность за ключевые решения, определяющие судьбы большого числа людей, в том числе, увы, за решения о применении насилия. Необходимость этих качеств особенно очевидна в критические периоды истории, и именно этими качествами в большой степени обладала исследуемая политическая элита. Не случайно на XV партсъезде рефреном звучали слова о том, что необходимо иметь железную волю, не дрогнуть и во что бы то ни стало «добиться определенного эффекта». Коммунис-

*ическая элита действительно «не дрогнула», и именно ее железной во-*ей, способностью мыслить и действовать на государственном уровне режде всего были осуществлены все грандиозные общественные преоб-азования. Очевидно, что с точки зрения особых социально-психологиче-ких качеств коммунистическая элита переходного и последующего пери-дов являла собой выдающийся пример. С этой точки зрения такие ее ерты, как приоритет силовых методов в сознании, верность централист-ким партийным традициям, наконец, рабочее прошлое, приучившее к жесткой дисциплине и самодисциплине, аскетизму и демократичности в оведении (достаточно указать на партмаксимум), играли положитель-ую роль. Плебеизация элиты явилась одним из источников ее выдаю-щихся качеств. В частности, она во многом обусловливала высокую спо-обность к самоорганизации, самодисциплине, отсутствие или слабое роявление рефлексии, презрение к «интеллигентским» сомнениям и ко-ебаниям. Вышедшая «из низов» элита обладала существенными преиму-ществами в плане понимания психологии масс, мотивов политического оведения. Ее представители обладали возможностью говорить с масса-и на их языке и быть при этом адекватно воспринятыми. В результате овышалась способность элиты к мобилизации масс, эффективность дей-ствий представителей элиты «от имени» масс. Возможно, именно плебе-изированная элита только и могла быть носителем качеств, требуемых ля осуществления задач такого масштаба, какой характеризовал эпоху е господства. В то же время эти качества были одной из причин крайне жестких форм осуществления поставленных задач, доходящих до беспо-щадности, огромных людских и материальных потерь.

20-е годы явились важнейшим этапом формирования коммунистиче-ской элиты как систематически воспроизводившегося специфического оциально-политического феномена. Ключевое значение для понимания специфики «переходного периода» имеет, на наш взгляд, проблематика революционной элиты, перед которой стояла необычайно сложная задача трансформации в правящую элиту с установившимся статусом. Речь шла о самосохранении в чуждой, по сути, социальной среде, эффективном осуществлении взятых на себя функций по управлению государством и обществом, поисках перспективы, тех условий, которые обеспечили бы долговременное политическое господство, с которым связывалось осу-ществление поставленных целей. Идеология как основной источник ле-гитимности объективно обусловливала, помимо других факторов, нераз-рывную связь революционной элиты с идеей социалистического преобра-зования общества. Курс на построение социализма в одной стране, массо-вое расширение партийных рядов, изменения персонального состава и структуры партийной элиты в 1921 — 1927 годах стали конкретными проявлениями начавшегося процесса формирования элиты с установив-шимся статусом. Важнейшее значение имело отождествление революци-онной элитой, сосредоточившей в своих руках практически неограничен-ную власть, своих интересов с интересами государства. С точки зрения потребностей политической системы, а следовательно, коммунистичес-кой элиты как создателя и воплощения системы, отмеченные изменения были, в общем и целом, результатом стратегически верных решений, хо-тя проблема их соответствия идеологическим постулатам, этическим нор-мам может быть предметом отдельного разговора.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 9 (45).
[2] «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 1 (37).
[3] «Известия ЦК РКП(б)», 1924, № 2 (60).
[4] «II Пленум ЦКК созыва XIV съезда ВКП(б). Стенографический отчет». М., 1926, стр. 91.

[5] «X съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1963, стр. 308.
[6] «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 1 (49).
[7] «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 1 (49).
[8] «XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1924, стр. 125 — 126.
[9] «Письмо Х. Г. Раковского Г. Б. Валентинову от 26 августа 1928 г.» — «Вопросы истории», 1989, № 12, стр. 81.
[10] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 109.
[11] *Там же.*
[12] «XIII конференция РКП(б). Стенографический отчет». М., 1924, стр. 111.
[13] «Известия ЦК РКП(б)», 1921, № 27.
[14] «XI съезд РКП(б). Стенографический отчет». Тифлис, 1922, стр. 368; **А. Бубнов.** ВКП(б). М.—Л., 1931, стр. 792 — 793.
[15] «XIII съезд РКП (б). Стенографический отчет». М., 1963, стр. 119; «Руководящие кадры Р. К. П. (большевиков) и их распределение», М., 1924, стр. 113 — 134.
[16] «X съезд РКП(б). Стенографический отчет», стр. 309.
[17] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 246, вып. 4.
[18] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 284.
[19] «XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1963, стр. 127.
[20] По данным «Альбома деятелей ВКП (б)». М., 1927.
[21] «XIV съезд РКП(б). Стенографический отчет». М.—Л., 1926, стр. 198.
[22] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 317, вып. III.
[23] *Там же.*
[24] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 220.
[25] «XIV съезд РКП(б). Стенографический отчет», стр. 628.
[26] *Там же*, стр. 241.
[27] **Т.Р. Дай, Л.Х. Зиглер.** Демократия для элиты. М., 1984, стр. 185.
[28] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 317, вып. 1, ч. II.
[29] По данным «Альбома деятелей ВКП(б)»; «Вопросы истории», 1993, № 7; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 68, д. 481, 482.
[30] По данным «Альбома деятелей ВКП(б)»; «Вопросы истории», 1993, № 7; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 68, д. 481, 482.
[31] По данным «Альбома деятелей ВКП(б)».
[32] По данным стенографических отчетов X—XV съездов; **А. Бубнов.** ВКП(б).
[33] По данным стенографических отчетов и бюллетеней партконференций.
[34] По данным «Руководящие кадры Р. К. П. (большевиков) и их распределение»; **А. Бубнов.** ВКП(б); «XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1963.
[35] *См.* **А. Бубнов.** ВКП(б), стр. 790, 794.
[36] **А. Бубнов.** ВКП(б), стр. 792—793.
[37] «XI съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1961, стр. 458.
[38] По данным стенографических отчетов X—XV съездов.
[39] По данным стенографических отчетов X—XV съездов.
[40] «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 42, 43; 1923, № 3 (51).
[41] «Дискуссия 1923 года. Материалы и документы». М. —Л., 1927, стр. 56; «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 9—10 (57—58).
[42] «XII съезд РКП(б). Стенографический отчет». М, 1968, стр. 146.
[43] «XII съезд РКП(б). Стенографический отчет». М, 1923, стр. 125.
[44] *См.* **А. Бубнов.** ВКП(б).
[45] «Стенографический отчет X съезда РКП». Пг, 1921, стр. 35.
[46] «Руководящие кадры Р. К. П. (большевиков) и их распределение», стр. 53.
[47] «XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет». М, 1961—1962, стр. 1238.
[48] «XII съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1923, стр. 188; «XI съезд РКП(б). Стенографический отчет». Тифлис, 1922, стр. 177.
[49] «Дискуссия 1925 года. Материалы и документы». М. —Л., 1929, стр. 322.
[50] **А. Г. Авторханов.** Технология власти. — «Вопросы истории», 1991, № 2—3, стр. 121.
[51] По данным стенографических отчетов X—XV съездов; **А. Бубнов.** ВКП(б), стр. 792—793.
[52] «XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 218; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 317, вып. 1, ч. I.
[53] «Вопросы истории», 1993, № 7, стр. 33.
[54] По данным «Альбома деятелей ВКП(б)».
[55] «XII съезд ВКП(б). Стенографический отчет». М., 1963, стр. 162.
[56] «Руководящие кадры Р. К. П. (большевиков) и их распределение», стр. 159—160.
[57] «XIV съезд РКП(б). Стенографический отчет», стр. 110.
[58] *Там же*, стр. 191.
[59] «XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 191.
[60] «XV конференция ВКП(б). Стенографический отчет». М., 1927, стр. 653.

[61] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 317, вып. 1, ч. II.
[62] «XIV съезд РКП(б). Стенографический отчет». М.—Л., 1926, стр. 713.
[63] «XI съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1961, стр. 446.
[64] «X съезд РКП(б). Стенографический отчет», стр. 312.
[65] «Рабочая оппозиция. Материалы и документы. 1920 — 1926». М. —Л., 1926, стр. 70, 72.
[66] «Дискуссия 1925 года. Материалы и документы», стр. 291.
[67] «XI съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1961, стр. 452, 466.
[68] «XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 77—78.